

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Божин А. Н., Брылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. — М.: Высшая школа, 1982. 224 с.

Около 30 лет, прошедших со времени дискуссии в отечественном языкознании по проблемам стилистики, были плодотворными для данной лингвистической области. Появились многочисленные труды, в которых вопросы стилистики освещаются на разнообразном материале и в разных направлениях. Вместе с углубленным изучением стилистической проблематики возникла и настоятельная необходимость суммировать накопленный опыт и наблюдения. Актуальность такого труда обусловлена и теоретическими аспектами, и практикой преподавания: не говоря уже об отдельном предмете — стилистике русского языка — целый ряд других вузовских дисциплин: культура речи, современный русский язык, язык художественной литературы — органически включает в себя вопросы стилистики. Публикация рецензируемой книги, жанр которой определяется как «учебное пособие», является вполне своевременной. Ее содержание составляют три части: I. Основные положения стилистики языка и речи, II. Функциональные стили языка, III. Композиционные типы речи. Хотя само название книги, как и названия частей, ориентируют читателя главным образом на речевые феномены, поставленные вопросы рассматриваются в тесной связи со структурой языка. Так, система общелитературных норм представлена в своем поуровневом распределении: лексика, фразеология, морфология, синтаксис, словообразование, орфоэпия, правописание (с. 30—31). В то же время стилистические нормы выступают в виде организующего начала в использовании «как элементов общелитературного языка и как стилизованных „скреп“ его функциональных разновидностей» (с. 36).

Понятие стилистических норм связывается с понятием стилистических средств, однако между ними устанавливается дифференциация в аспекте реализации языковых единиц (для первого понятия) и в аспекте маркированности (для второго понятия), ср.: «стилистические средства — это элементы языка, обладающие стилистической окраской, т. е. способностью выражать дополнительную стилистическую (экспрессивно-оценочную, экспрессивно-эмоциональную, функционально-стилевую) информацию» (с. 46—47). В соответствии с приведенной формулировкой и традиционным взглядом на данный объект стилистические средства делятся на две группы: «1) функционально окрашенные средства, являющиеся при-

надлежностью книжно-письменной или устно-разговорной речи; 2) экспрессивно-окрашенные средства, придающие речи определенный вид стилиевой окраски (ласкательный, иронический, интимный, фамильярный, неодобрительный, торжественный и т. п.)» (там же).

Мы остановились на некоторых отдельных формулировках потому, что в них учитывается, на наш взгляд, взаимодействие речевых и языковых явлений. Это взаимодействие подчеркивается при рассмотрении стиля как многоаспектного лингвистического термина (с. 48—49). С его разнообразным использованием отчасти связана и та «сложность», которая возникает при исследовании «функциональных типов (литературного языка)», «функциональных языков» и «функциональных стилей». В сущности, авторы квалифицируют данные языковедческие термины как адекватные. Вместе с тем стремление проследить динамическую связь языка и речи в области стиля ведет к тому, что иногда ставит под сомнение само разграничение этих категорий. Сравни, например, следующее определение: «С т и л и р е ч и — это стилистически отмеченные разновидности или жанрово фиксированные вариации литературного языка...» (с. 57).

Как следует из названия второй части, здесь поставлены вопросы главных характеристик функциональных разновидностей русского языка. С этой точки зрения исключение стилистики художественной литературы из общей проблематики лингвистической стилистики (с. 65) не представляется бесспорным. Ссылка на взгляды В. В. Виноградова по поводу разграничения «трех стилистик» (языка, речи и художественной литературы) не проясняет вопроса, так как В. В. Виноградов имел в виду разные объекты и направления исследований, но не совокупность разновидностей, составляющих функциональную систему русского языка.

Следует признать принципиально верной трактовку, предложенную авторами, экспрессивных речевых средств в их соотношении с классификацией стилей, где учитываются дифференциации языка и речи: «по всей видимости, правильнее было бы говорить в данном случае о многообразных разновидностях экспрессивно-эмоциональной окраски речи, а не о стилях языка» (с. 66). Анализ оценочных эмоциональных и экспрессивных категорий и средств их выражения занимает заметное место в рецензируемой книге. С одной стороны, констатируется факт взаимосвязи, но не тождества между оценочностью и эмоциональностью: эмоциональные слова не всегда оценочны,

но оценочные слова обычно эмоциональны (с. 72). С другой стороны, эмоционально-экспрессивная категория анализируется с позиции ее выражения в системе языка и в речевом употреблении. В дальнейшем изложении эти вопросы разрабатываются в плане маркированности слова. Приводя высказывания некоторых языковедов (И. Р. Гальперина, Н. М. Разинкиной, М. Н. Кожинной) по проблеме эмоционального значения, стилистического значения, эмоциональной окраски и эмоциональной окрашенности, авторы приходят к выводу, что стилистическое значение создается под воздействием нескольких факторов, среди которых известную роль играют экстралингвистические условия — ситуация общения и «коммуникативная установка говорящего» (с. 82—83).

Принцип поуровневого рассмотрения общелитературных норм, постулируемый в первой части, получает свое последовательное продолжение во второй части, где стилистические ресурсы русского языка анализируются в соответствии с отдельными ярусами языковой системы: фонетикой, лексикой, фразеологией, словообразованием, морфологией и синтаксисом. Правда, данный раздел отличается некоторой иллюстративностью, что обусловлено, как отмечают авторы, достаточной разработанностью этих вопросов в лингвистике (с. 84).

Наиболее значимым разделом второй части является раздел, посвященный функциональным стилям, среди которых выделены: научный, официально-деловой, газетно-публицистический и разговорно-обиходный. Характеристики указанных разновидностей опираются на лингвистические показатели, определяемые назначением того или иного стиля. Так, обобщение и абстрактность, присущие научному стилю, находят свое выражение на уровне словообразования, морфологии, лексики (последнее проявляется в области терминологии, а также в использовании глаголов широкой семантики и в десемантизации). Наряду с характерными признаками указаны и признаки, не характерные для данной разновидности, а именно — периферийность для научного стиля образных и эмоционально-экспрессивных элементов. Приблизительно по тем же параметрам проводится обзор других разновидностей. В целом эти характеристики сыроводятся разнообразным материалом и являются объективными. Однако некоторые положения нуждаются в уточнении и в дополнительной аргументации.

Так, исходным понятием при определении специфики научного стиля является точность (с. 92); это же понятие выступает как исходное и при определении официально-делового стиля (с. 104). В данном случае следовало бы подчеркнуть, что признак точности имеет разную направленность, обусловленную функциональными качествами одной и другой разновидности литературного языка, обладает разной ориентированностью на внешнюю среду, которая представлена специалистами в конкретной научной области (для научного

стиля) и которая в целом безразлична к профессиональной квалификации (для официально-делового стиля).

Второе замечание касается рассмотренного разговорно-обиходного стиля. Авторы правы, указывая на то, что статус разговорно-обиходного стиля еще недостаточно определен в соотношении с проблемой функциональных стилей, что само понятие «разговорной речи» не однородно и имеет разные формы проявления. Однако включение разговорно-обиходного стиля в систему литературного языка вызывает возражение, а сама аргументация авторов с ссылкой на точку зрения А. К. Панфилова далеко не выглядит убедительной. Конечно, между разговорно-обиходным стилем и стилями литературного языка не существует раз и навсегда установленных границ: в разговорной речи могут использоваться элементы разных литературных разновидностей, правда, иногда совсем с иной установкой; литературные стили, в свою очередь, также пополняются средствами разговорной речи, что естественно, в частности, газетно-публицистическому стилю. Боязнь того, что противопоставленность разговорной речи литературному языку «приводит к далеко идущим выводам об отсутствии единого литературного языка» (с. 127), видимо, не может считаться серьезной. Напротив, рассмотренные разговорно-обиходной речи в системе литературного языка таит в себе угрозу того, что границы и пределы литературного языка неправомерно расширятся, а при этом снимается необходимая для национального языка опозиция «литературного» и «нелитературного». Возражение вызывает и то, что в своем подавляющем большинстве иллюстрации к разговорно-обиходному стилю приводятся из художественной литературы: как известно, разговорная речь в художественном произведении подвергается существенным изменениям, что определяется спецификой художественного отображения. А. Н. Толстой, например, так писал по этому поводу: «Я пробовал заводить записные книжки и подслушивать фразы. Когда я вклеивал их затем в ткань рассказа, получалось почти то же, как если бы живописец приклеил к портрету нос, отрезанный у покойника» [1].

Третья часть книги посвящена композиционно-структурным особенностям речи. Одним из главных тезисов здесь выступает тезис о единстве формы и содержания, которое определяет структуру текста. Организация текста предстает в зависимости от двух типов структур — рационально-логических и эмоционально-риторических с преобладанием одного из этих двух типов в каждом конкретном случае. Структурные особенности текста связываются с внутривидовыми различиями, обуславливающими жанровую принадлежность, ср.: «...жанр можно определить как выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся

единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур» (с. 156).

Значительное внимание в третьей части отводится вопросам построения текста по разным параметрам: с позиции содержательно-логического членения, с позиции выделения основных композиционных типов, с позиции структурных единиц речи, куда отнесены, в частности, средства речевой выразительности.

К числу общих достоинств книги следует отнести и тот факт, что авторы неоднократно прибегают к историческим экскурсам при анализе поставленных вопросов (см., например, комментарии к использованию грамматических форм в конце XIX — начале XX вв., с. 87; замечания о классической риторике, с. 140 и др.).

Таким образом, в книге суммированы многие проблемы функционального изуче-

ния современного русского языка. Разнообразные труды, на которые ссылаются авторы, дают достаточно полную картину состояния исследований в этой области. Вместе с тем здесь находят отражение и такие вопросы, которые могут разрабатываться при дальнейшем изучении русского языка в самых разных ситуациях общения. В плане перспектив работы отметим, что учебное пособие «Функциональные типы русской речи» может с успехом послужить основой для единого учебника «Стилистика русского языка», столь необходимого для вузовского преподавания.

Михайловская Н. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой А. О драматургии: Доклад Первому съезду писателей. — Собр. соч. Т. 13. М., 1949, с. 359.

Walter H. Enquête phonologique et variétés régionales du français. — Paris: Presses Universitaires de France, 1982. 252 p. + 1 карта.

Книга известного французского фонолога Г. Вальтер вышла в серии «Le linguiste», которая издается под руководством А. Мартине, написавшим предисловие к рецензируемой книге (с. 9—11). В той же серии были опубликованы книги А. Мартине, Ж. Мунена, М. Филипп, К. Ажежа и др. Всего было издано 23 тома (из список прилагается в конце рецензируемой книги).

Основная идея книги Г. Вальтер связана с положением о том, что фонология современного французского языка должна изучаться с учетом особенностей региональной речи французского языка. Как известно, региональная речь, точнее ее варианты (*variétés*), является одной из ведущих тем, над которыми работают современные французские лингвисты. В романистике наших дней (как во Франции, так и за ее пределами) по-разному понимается проблема региональной вариативности и вариативности вообще, что видно из многочисленных исследований, посвященных этим вопросам [1—3].

Учение о регионализмах восходит к трудам О. Брена [4], А. Доза [5] и др. (50-е — 60-е годы XX в.). Проблема «регионализмов» обычно понимается двойко: региональные языки — языки меньшинств (баскский, бретонский, эльзасский и др.) и региональные разновидности французского, итальянского и др. языков, т. е. регионализмы внутри системы этих языков (например, региональный французский язык северной Франции — Пикардии [6]). Только в современный период развития французского языка его региональные разновидности становятся самостоятельной единицей (слоем, статусом) структуры французского языка, имеющим свои си-

стемные особенности, а, соответственно, и особую функциональную значимость [7]. Именно этому вопросу и посвящена рецензируемая книга, построенная на материале произносительных (фонологических) норм разных регионов Франции.

Вопросы, связанные с регионализмами, уже давно интересуют Г. Вальтер. В соавторстве с А. Мартине Г. Вальтер издала «Словарь произношения современного французского языка» [8]. Этот «Словарь» отличается от других уже имеющихся словарей французского литературного произношения (например, словарей Л. Варнана и П. Фуше) тем, что в нем зафиксировано произношение региональных равновидностей разговорного французского языка.

При работе как над рецензируемой книгой, так и над «Словарем», была использована методика полевого анкетирования, которое связано с изучением разных слоев языка и особенно тех его аспектов, которые обусловлены его социальной стратификацией. Произносительные особенности изучались во всех регионах Франции, включая зоны функционирования иноязычных «региональных языков» (германоязычная Лотарингия, Эльзас, кельтская Бретань; Баскония, Корсика). Схематическая карта, приложенная к книге, включает 35 регионов обследования. Всего было опрошено 111 информантов (примерно по три информанта в каждом регионе). Возраст информантов в среднем от 45 до 65 лет (65 человек из 111); при этом было опрошено 56 женщин и 55 мужчин. При описании идиолектов учитывались не только фонологические данные, но также интонация и ударение.

В небольшом введении (с. 13—16)